

РАЗВЕДЧИК ЗАГАДОЧНОГО (беседа с Вяч. Вс. Ивановым)

«Разведчиком загадочного» в стихотворении 1974 г. назвал сам себя известный лингвист, ученый с мировым именем, заведующий отделом культуры древности МГУ, директор Русской антропологической школы при РГГУ, доктор филологических наук, академик РАН **Вячеслав Всеволодович Иванов**. С ним в августе 2008 г. в Переделкине беседовала профессор кафедры новейшей русской литературы М. А. Черняк.

Несколько фактов биографии. Вяч. Вс. Иванов родился в 1929 г. в семье известного советского писателя Всеволода Иванова. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную судьбе индоевропейских корней в клинописном хеттском языке, преподавал древние языки в МГУ, читал курсы по сравнительно-историческому языкознанию. В 1957 г. стал заместителем главного редактора журнала «Вопросы языкознания», но уже через год был уволен из Московского университета за несогласие с официальной оценкой романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и поддержку научных взглядов знаменитого ученого, жившего в Америке, Р. О. Якобсона. В 1959–1961 гг. Вяч. Вс. Иванов заведовал группой машинного перевода в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР, вскоре возглавил Секцию машинного перевода при Совете по кибернетике АН СССР. С 1961 по 1989 г. он заведовал сектором структурной типологии в Институте славяноведения. Из-за активного участия в правозащитном движении ученого с мировым именем не допускали к защите докторской диссертации, которую он смог защитить только в 1978 г. в Вильнюсе. В годы перестройки Вяч. Вс. Иванов активно занимался общественной деятельностью, был народным депутатом СССР, членом известной Межрегиональной группы. До 1993 г. он был директором Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. Последние 15 лет является профессором кафедры славянских языков и литератур и Программы индоевропейских исследований Университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес — UCLA). Автор более 1500 трудов, переведенных на разные языки мира, Вяч. Вс. Иванов является действительным членом Российской академии наук, Американской академии наук и искусств, Американской философской ассоциации, Британской академии, Академии наук Латвии, почетным членом Американского лингвистического общества. В 1988 г. за книгу «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (вместе с акад. Т. В. Гамкрелидзе) был награжден Ленинской премией, в 1991 г. — Государственной премией за двухтомник «Мифы народов мира» (в составе коллектива авторов), в 2002 г. — премией Пастернака.

Вяч. Вс. Иванов — энциклопедически образованный человек, владеющий огромным количеством языков, знакомый едва ли не со всеми известными деятелями науки, литературы и культуры второй половины XX в. — привык к разнообразным интервью. Вопросами его удивить сложно. Поэтому, беседуя с ним в его переделкинском доме, где он живет с раннего детства, не хотелось задавать привычные вопросы о судьбе современной науки или о его встречах с известными современниками. Так родилась тема

этой беседы — специально для «Вестника Герценовского университета» — про детское чтение, про истоки.

М. Черняк. Вячеслав Всеволодович, расскажите, пожалуйста, про Ваши первые читательские шаги, про то, кто и как формировал Ваше чтение, какие книги были любимыми?

В. Иванов. Дело в том, что в детстве я тяжело заболел костным туберкулезом. Мне было неполных шесть лет. Два года я в прямом смысле слова был привязан к постели. И писать, и читать я учился лежа. Сначала меня учила мама, у которой были навыки учительницы. Ведь она вступила в партию после революции и уехала в провинцию учить детей. Она пыталась меня обучить письму, но это давалось с трудом. Ведь рука была привязана, поэтому почерк был ужасный. Я лишь потом, с 14 лет, стал исправлять почерк, когда стал писать по-английски. А вот чтение пришло быстро. Это было мое открытие. Я рано сообразил, что не нужно читать все слово, а можно посмотреть на него и догадаться, что в конце. Это было озарение. Я практически сразу стал читать очень быстро. Скорость чтения у меня была намного больше среднего мальчика. Я много упражнялся в чтении. Когда меня возили на процедуры в Москву, я был очень доволен, потому что мог читать длинные вывески. Это было очень интересно — проезжать длинное слово и догадываться о нем.

М. Ч. Ваша мама, Тамара Владимировна Иванова, — удивительная женщина: актриса театра Мейерхольда, позже хозяйка большого дома, мать троих детей, переводчица с французского языка (среди любимых переводимых авторов — В. Гюго, Э. Золя, Э. Триоле, Рене Клер, Ж. Садуль, Р. Роллан, Л. Арагон и др.), правозащитница (ее подпись стоит под знаменитыми письмами в защиту Ю. Даниэля и А. Синявского, А. Солженицына, Л. Копелева, Дома-музея Б. Пастернака и К. Чуковского). Именно она Вам дала при рождении прозвище, которое осталось на всю жизнь, — Кома. Она вспоминала, что врач, лечивший Вас в детстве, сказал, что, если бы не болезнь, Кома бы стал футболистом, а теперь будет ученым. Это так?

В. И. Да, до болезни я был безумно энергичен, обожал футбол, много бегал. Вся моя энергия во время болезни ушла в чтение. Горы книг у кровати — это осталось на всю жизнь. За два года лежания я прочитал колоссальное количество книг. И сегодня могу сказать точно, что это был один из главных толчков ко всему дальнейшему.

М. Ч. А что Вы тогда читали?

В. И. Сейчас мне иногда сложно вспомнить, что мне читали вслух, а что было прочитано самим. Вся наша большая семья занималась с больным ребенком, няни были, мне очень много читали вслух. С 1935 до лета 1937 — время моего лежания — это время чтения. Ведь 1937 г. — год 100-летия со дня гибели Пушкина. Это было грандиозное признание Пушкина в сталинских масштабах. Мне приносили тетради с изображением Пушкина, о нем было написано во всех журналах. На меня это посыпалось. Поэтому я много читал Пушкина. Помню, что «Полтаву» читал в собрании сочинений, «Руслана и Людмилу» знал наизусть.

М. Ч. А детские книжки читали?

В. И. Да, конечно. В моем распоряжении была интересная детская литература, был замечательный ленинградский Детгиз с Хармсом, которого еще можно было читать, с Маршаком и Чуковским. И были книжки с картинками. Читал журналы «Костер», «Пионер», «Мурзилка», «Чиж и еж». Я ждал эти журналы, например, «Приключения капитана Врунгеля», и очень волновался, что книгу не допечатали. Но все же это был лишь первый слой моего чтения, это чтение от моих пяти до шести лет. Первый год лежания.

М. Ч. Тамара Владимировна рассказывала, что во время Вашей болезни завела такой порядок. Все гости, которые приходили в дом, должны были побеседовать с Комой. Так, Вашими собеседниками в столь раннем возрасте стали К. И. Чуковский, Б. Л. Пастернак, П. Л. Капица, В. Ф. Асмус и многие другие. Они влияли на Ваше чтение?

В. И. Конечно, но все же влияние отца было определяющим и главным, прежде всего в науке, и вообще в жизни в целом. Именно он стал активно заниматься моим чтением. Папе присылали списки всех выходивших новинок, мы вместе выбирали книги и заказывали их. Одна книга потрясла меня. Я сразу перешел на другой уровень чтения, когда прочитал книгу Соломона Яковлевича Лурье «Письмо греческого мальчика». Ее автор (кстати, родственник первой жены Б. Пастернака) — известный филолог и историк. Он был одним из крупнейших исследователей античности, особенно Демокрита. В этой книге с точки зрения ребенка было описано афинское общество. Это произвело на меня в шесть лет огромное впечатление. А потом я прочитал книгу Бронштейна «Солнечное вещество». Матвей Петрович — известный физик, близкий друг Ландау, специалист в области физики полупроводников, теории гравитации, ядерной физики, астрофизики — был мужем Лидии Корнеевны Чуковской. Эта книга, вышедшая перед арестом автора в 1937 г., рассказывала о замечательных открытиях, которые были сделаны на пути к «солнечному веществу». В ней был уникальный материал об изобретении радиотелеграфа, об истории обнаружения гелия и т. д. Еще моей любимой книгой, которую я потом все время перечитывал, было «Путешествие на корабле “Бигль”» Дарвина. Это первая книга Дарвина. Из папиного списка были книги, рассказывающие о биографии изобретателей, ученых, которым плохо жилось. Это была серия в Детгизе. Так, мне нравилась книга о Фарадее, там была его популярная лекция о свече.

М. Ч. В одном из писем, которые опубликовала Т. В. Иванова, Ваш отец пишет: «Со следующей оказией, пришлю тебе, Кома, хороший репродуктор для радио и атлас мира. Если будет оказия с пароходом, я пришлю еще книг». Атлас мира дошел до Вас? А в других письмах он обещает прислать газеты...

В. И. В семь лет благодаря отцу я стал читать книги о современной политике. Он этим жил. Он был ужален мировой политикой. Знал, что будет война, один из немногих из его окружения. Дома старался об этом не говорить, а со мной говорил много. Книга, которая тогда поразила меня, — это книга Эрнста Генри «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР». Эрнст Генри (Семен Николаевич Ростовский) — это разведчик, писатель, журналист. Я с ним потом познакомился. Он как агент ОГПУ с 1920 г. жил в Германии, состоял в германской компартии, потом переехал в Англию. Он был гениальный шпион, установил связи с немецким генштабом и получил карты нападения на Европу, на Францию, на Данию. В книге были карты, на которых была изображена вся последовательность действий, стрелки фронтов. Все точно, как было потом. Я нескромно выскажусь, что кроме меня и отца эти книги огромное впечатление произвели на Эйнштейна. Он хотел издать их миллионными тиражами, чтобы человечество знало, куда оно идет. Но его мало кто слушал. Книги изданы до 1937 г. А в 1937 г. Эрнста Генри уже арестовали. Карты я внимательно изучал и очень любил. По мировую войну я знал все.

М. Ч. Теперь понятны слова Тамары Владимировны в ее воспоминаниях «Мои современники, какими я их знала». Она писала: «Большой спрос среди переделкинцев был на нашего сына Кому, мальчик знал все географические названия и составы кабинетов всех европейских государств, так что легко заменял и справочный словарь, и географическую карту».

В. И. Да, я же читал газеты в огромном количестве. Я читал газеты и комментировал происходящие события всем людям. Например, прочитал, что китайская армия

движется из провинции, и начал составлять карты. А ведь никто на эти сообщения в газете не обращал особого внимания. А для меня самым интересным было следить за тем, что никто не знает. Я помню, как в папином кабинете сидели Федин, Фадеев, Леонов, цвет нашей литературы, и я им говорил, например, о том, что Германия присоединила Австрию. А никто из них не знал. Степень незнания современной ситуации была удивительная. Невнимание к повседневной политической жизни было фантастическое. Всеволод Иванов очень отличался от своих современников интересом к чтению политических книг и газет, которым увлек и меня.

Правда, летом 1937 г. мне перестали давать газеты из-за процессов. Я не мог понять почему. И когда я уже мог ходить и много занимался в папином кабинете (мне было около восьми лет), я прочитал книгу Фейхтвангера «Москва 1937» и материалы процессов, поэтому я сразу понял, почему от меня прятали газеты.

М. Ч. Вячеслав Всеволодович, творческая судьба Вашего отца была драматичной, но и во многом счастливой, так как он, по его же собственным словам, был "счастлив сомнением", а поиск, эксперимент, спор с самим собой были сутью его творческой биографии, что определяло и победы, и поражения его произведений. Он исходил чуть ли не всю Западную Сибирь и Среднюю Азию в молодости, был факиром, протыкал себя иглами, чтобы заработать на жизнь, всерьез занимался йогой и опытами передачи мыслей на расстояние. Понятно, поэтому Вс. Иванов всю жизнь любил приключенческую, авантурную и фантастическую литературу. А Вам он эту любовь передал?

В. И. Что касается папиных попыток приучить меня к фантастике и приключениям, это было неудачным. Хотя я сам пытался писать детективный роман «Часовые колесики» про нашего шофера Дементьева. Мы с Мишкой (брат Вяч. Вс., художник М. Вс. Иванов. — М. Ч.) хорошо знали Жюль Верна. В доме было и собрание сочинений Жюль Верна на французском языке. Мама хотела, чтобы мы читали в оригинале. Я помню, что с трудом читал его непереведенный роман. Уэллсом увлекался. А Майн Рид, Купер не шли. Меня интересовала более взрослая литература. Хаггард, например. Я очень увлекался науками. Так, «Затерянный мир» Конан Дойля меня интересовал в большей степени описанием чудищ, чем сюжетом. Папа приносил комплекты старых журналов 1920-х гг., в которых было много приключенческих романов. Но я их читал мало и без интереса. На французском языке мы читали скучного Э. Сю. Потом Чуковский начал заниматься со мной английским языком. Читать на иностранных языках я стал позже.

М. Ч. А русская классика?

В. И. Как ни странно, отцу не хотелось, чтобы русская литература попадала в круг интересов. Этим больше занималась мама. Современную литературу в те годы я тоже не читал. Пожалуй, только «Аэлиту» А. Толстого и «Детство Никиты», которое любили родители. Классическую русскую литературу я серьезно стал читать уже позже. И совсем не отличался в школе успехами по литературе. Я много читал русских поэтов. Пушкина много прочитал сам. А прозу мало.

М. Ч. А что Вас больше всего интересовало в этот непростой период? Были ли какие-то детские мысли о будущем?

В. И. Меня очень увлекало военное дело. До болезни я был очень живым и активным. Меня учил Мате Залка, венгерский генерал, наш сосед по Нащокинскому переулку. Он был помешан на военных делах. Как-то раз отвел меня в тир и обучил стрелять из револьвера. Я это, конечно, скрыл от мамы. Вообще, любимые книжки — про флоты разных государств, водоизмещения всех линкоров я знал досконально, в семь

лет серьезно изучал учебники военной стратегии генерала Свечина. Читал классические книги по военному делу. Описание сражений обязательно изучал с картой в руках. Так, кстати, впервые читал и «Войну и мир». Когда началась война, я был подготовлен к тому, что и как происходит. Тогда же появились первые книги по дипломатии. Бисмарк был переведен. Родители тут же решили, что я буду дипломатом. Сам же я хотел заниматься палеонтологией, а потом химией. По химии читал популярные книжки. Увлекался книгой английского астрофизика Джинса. Его книгу «Движение миров» про строение и эволюцию звезд, звездных систем и туманностей я очень любил. Кстати, папа очень увлекался астрономией. Друг нашей семьи, философ Валентин Фердинандович Асмус, специалист по истории античной и новой философии, знаток философии Канта, одолжил нам телескоп. Астрономический календарь за 1939 г., подаренный Асмусом, до сих пор у меня хранится. А еще есть книга «Есть ли жизнь на Марсе» 1940 г., испещренная моими пометками, которые потом обнаружил отец. Таким образом, к началу войны, когда мне было 12 лет, я прочитал огромное количество научных книг. Когда в 1941 г. меня с другими детьми писателей эвакуировали под Чистополь, и я пересказывал сверстникам, что читал, они не верили.

М. Ч. Это не удивительно. Трудно представить, что мальчик может столько знать. Я очень люблю историю, которую часто рассказывала Тамара Владимировна. Когда Вас, шестилетнего, билетерша Большого театра не пустила с родителями на вечерний спектакль, к которому Вы готовились и прочитали литературную основу, Вы ей пригрозили: «Я выброшу все ваши рукописи». Трудно было столь литературоцентричному ребенку учиться в школе?

В. И. История про театр связана с тем, что молодые писатели заваливали отца рукописями. Он не мог отказаться и очень страдал от их количества. Я же был уверен, что рукописи есть у всех, а ценность их, конечно, понимал с раннего детства. А что касается школы, то у меня было до 4-го класса домашнее образование из-за болезни, в 5-м классе уже можно было сидеть, но я мало ходил в школу. В 6-м классе не учился из-за эвакуации. В Ташкенте пришлось за один день выучить всю программу по математике и сдать, чтобы меня зачислили в 7-й класс. Но потом я заболел тифом и опять не учился. В старшей школе уже учился нормально, хотя много болел. Так что чтение было настоящей школой.

М. Ч. Спасибо большое, Вячеслав Всеволодович, за интересный рассказ. Нужно что-нибудь купить на станции?

В. И. Газеты, как можно больше.